

Юрий Сенокосов. Встречи

(Мераб Мамардашвили и о. Александр Мень)

Одно из самых ярких впечатлений в моей жизни – встреча Мераба Мамардашвили с о. Александром Менем – философом и священнослужителем. Они не были знакомы и увидели впервые друг друга в Пицунде на побережье Черного моря. Хорошо помню, что произошло это в 20-х числах сентября 1987 года, когда мы втроем – Мераб, Лена, моя жена, и я – пришли из поселка Лидзавы, где жили обычно на Рыбозаводской улице во время отпуска, чтобы купить на рынке в Пицунде хлеб, овощи и сыр. Было часов одиннадцать утра, приятное осеннее солнце, мы запаслись на рынке всем, что нужно, включая две бутылки вина, и перед тем как вернуться, остановились у кафе, решив, что стоит выпить кофе. И в этот момент, обратив на кого-то внимание, Лена громко сказала: «Юра, это, кажется, – Алик!».

Действительно, шагах в тридцати от нас, стояло двое мужчин, и один из них был о. Александр Мень, с которым меня познакомил еще в конце 1963 года Женя Барабанов, а второй Сережа Рузер, вскоре эмигрировавший в Израиль и ставший преподавателем на отделении сравнительного религиоведения Еврейского университета в Иерусалиме. Обрадовавшись такой неожиданной встрече, в таком необычном месте, забыв о кофе, мы тут же все решили отправиться в Лидзаву.

Я не видел о. Александра примерно полгода, но он слышал от меня неоднократно о том, кто такой Мераб Мамардашвили, а Мерабу рассказывал об о. Александре. Но чтобы они встретились вот так и потом проговорили до 11 часов вечера, сидя за столом на Рыбозаводской!.. Совершенно не помню, о чем они говорили. Ни я, ни Лена, ни Сережа, общаясь между собой, не вслушивались в их мерно текущую беседу. Но видели, насколько увлеченно, не обращая на нас внимания, они говорили. Было очевидно, и сегодня я в этом уверен, что на наших глазах происходила тогда символическая встреча выдающегося философа и выдающегося священника. Символическая в том отношении, что, несмотря на совершенно разный жизненный опыт, встретившись впервые, они понимали друг друга с полуслова.

Я убедился в этом позже, когда в Москву из Тбилиси прилетал Мераб, и мы отправлялись к о. Александру на электричке в поселок Семхоз недалеко от Сергиева Посада, где он жил. И там за ужином, который он готовил, угощая нас не только огурцами и помидорами, выращенными, по его словам, на собственном огороде, они продолжали общение, как давние близкие друзья, судя по выражению их лиц и иронично-доброжелательной интонации, когда обменивались репликами по поводу происходивших в стране событий. Философ и богослов не спорили, хотя, казалось бы, для

этого были все основания и причины, понимая друг друга, потому что думали об одном и том же – о свободе и человеческом достоинстве.

Увы, 9 сентября 1990 года был убит о. Александр, а 25 ноября того же года в аэропорту «Внуково», возвращаясь на родину в Грузию, умер от инфаркта Мераб.

Это были два близких и дорогих мне человека, и, думаю, не случайно примерно за месяц до гибели о. Александра в августе 1990 г. я видел сон, о котором хочу рассказать.

Представьте себе котлован – глубокий и ослепительно ярко освещенный, как в полдень при ярком Солнце, и меня в этом котловане. Я это ясно ощущаю, хотя на глазах у меня темные очки, и понимаю, что ослеп, а ведет меня по котловану на поводке собака, которая тоже явно слепая, потому что у нее на глазах тоже темные очки. Куда ведет, – не знаю, понимаю лишь, что все это происходит при ярком свете, и, видимо, от того, что не понимаю, начинаю громко стонать и даже кричать, как мне сказала напугавшаяся Лена, разбудив меня.

Когда убили о. Александра, а потом умер Мераб, я стал думать, что это был не просто сон, а предчувствие или какое-то внезапно посетившее меня чувство, что оба моих поводыря (назову их так) скоро покинут меня.

Что это? – спрашивал я себя, – знание-предчувствие ослепшего тела или ясно видевшего ума (сознания)?.. А накануне гибели о. Александра – вечером 8 сентября часов в шесть – в комнату, где я лежал в это время в полудреме (весь день я чувствовал себя отвратительно, причем утром после ванны надел красные джинсы и черную рубашку, которую купил лет за 15 до этого и ни разу не надевал), в открытое окно влетел голубь и сел под стол. Я решил, что что-то случилось с мамой (она болела), взял его в руки, посмотрел внимательно в глаза, подошел к окну и выпустил его.

Конечно, то, что за день до убийства утром я надел красно-черную одежду (знак предстоящего траурного дня), можно считать культурной условностью, но – опять же – на этот раз мое тело совершало явно, казалось бы, осмысленные движения, а ум спал.

Не буду останавливаться на возможных интерпретациях сна. Остановлюсь на убийстве, о котором услышал по телефону ранним утром 9 сентября.

За что?.. – невольно спросил я своего друга, который мне позвонил. И, положив трубку, словно увидел Алика – его таинственно улыбающееся лицо и глаза, в которых никогда не замечал фальши, и знал что его открытость, тактичность, артистизм были очевидны всем, кто с ним общался. Конечно,

подумал я, это связано с его даром священнослужителя в стране «развитого социализма». А свое призвание он видел в возвращении общества к Богу, к христианским, человеческим ценностям.

Сошлюсь на интервью начала 1991 года журналу «Век XX и мир», где на вопрос о причинах убийства, я, в частности, сказал, что о. Александр, прекрасно знавший русскую философскую традицию, особенно ценил Владимира Соловьева за его, как он выражался «вселенский горизонт». А представители официальной Церкви видели в Мене «отступника-экумениста» и обвиняли в том, что он встречался с баптистами и молился с ними, симпатизировал католикам. А с другой стороны, ему постоянно напоминали о себе, но уже по другой причине, поскольку он был еврей, «русские патриоты», от которых он получал угрожающие письма.

Повторю, предвзято возвращение к Мерабу, что я сказал в интервью, отвечая на уточняющие вопросы.

Во-первых, что касается отношения о. Александра к католикам и протестантам. Естественно, когда некоторые члены его паствы, разочаровавшись в православии, становились баптистами, он страдал, но не осуждал их, а говорил, эти люди не ушли от Христа. И считал, что экуменическое движение должно развиваться, а иначе у верующих будет неизбежно возникать чувство исключительности своей Церкви и сознание, что лишь она самая истинная и великая. Прошлое не интересовало его само по себе. Он искал в нем подтверждение собственному пути, верил в живое, одухотворяющее начало истории. Не случайно все написанные им книги были объединены в серию, которую он назвал: «В поисках Пути, Истины и Жизни».

И, во-вторых, я говорил: убийство о. Александра было совершено теми, кто продолжает думать, что именно убийства могут повлиять на выход из того кризиса, в котором мы находимся. Как вообще это стало возможно? Ведь те, кто стоит за этим убийством, отнюдь не сумасшедшие, ими что-то двигало, какая-то, видимо, своя вера, сформировавшаяся в нашей же, отечественной культуре. Очевидно, массовое сознание живет по каким-то своим законам, и в его недрах могут совершаться чудовищные трансформации, после которых и может происходить то, что случилось. В чем же тогда и где истоки этих трансформаций? Известно, что в России произошло, по меньшей мере, два трагических события: в XVI веке произошла расправа с «русской святостью», после чего перестала существовать свободная церковь. А в XIX-ом – в результате убийства Александра II – наступила трагедия русской государственности. Учитывая, что в 1881 году был убит царь, который своими реформами как раз и стремился проложить путь, в том числе, к духовному оздоровлению

общества, и убит не в результате дворцового переворота или заговора, а собственным народом. Как и убитый в 1918 году Николай II.

Почему в нашей стране убивали царей, а после революции не только дворян, но и священников? Причем, десятками тысяч. Разве это можно понять, если мы христианская страна? В каком состоянии должен был находиться народ, чтобы поверить в идеологию мести? И кто несет ответственность за преступления: власть или народ? Или интеллигенция? Почему все повторяется, находя оправдание в якобы ценностях «истинного православия» и величия России, либо – «общественной справедливости»? Причем, механизм оправдания прост. Для этого нужно, прежде чем убить человека, перестать считать его человеком, называя врагом или предателем народа. Или жидо-масоном...

Разумеется, слушая лекции Мераба и общаясь с ним, умоглядно я уже знал ответ на свой риторический вопрос «За что?..».

«Идеология – это... иллюзорное сознание не в психологическом смысле. Оно не зависит от того, верят люди или не верят во что-то... – говорил он в своих лекциях, посвященных социальной философии в 1981 году. – Можно даже сформулировать [по этому поводу] закон: всякая идеология в своем имманентном развитии доходит до такого пункта, когда ее эффективность, или рациональная эффективность, не зависит от того, разделяют люди эту идеологию или не разделяют ее. Почему? Да потому, что она разрушает словесное пространство, лишь внутри которого может артикулироваться и кристаллизоваться мысль. Это просто разрушение языка... Вы можете подмигивать друг другу – пожалуйста, но когда вы захотите хоть как-то узнать, что вы сами думаете, вы не сможете этого сделать»*. (* Мамардашвили М. Вильнюсские лекции по социальной философии. Опыт физической метафизики. – СПб.: Азбука-Аттикус, 2012. – С. 236.)

Это был диагноз, поставленный философом государственной системе за несколько лет до того как она начала распадаться, потому что появились и были люди, осмелившиеся *думать*. Или, как выражался Мераб, – «заниматься возможными способами прояснения нашего [жизненного] опыта». При этом проясненный опыт самого Мераба впечатляет.

Хорошо помню его рассказ о «профилактической беседе» с ним в начале 1980-х сотрудника КГБ и его слова: «Мы знаем, что вы считаете себя самым свободным человеком в этой стране».

Разумеется, Мераб никогда так не считал, но тема свободы, несомненно, была главной в его жизни и творчестве. Не свобода выбора, а именно свобода как таковая, о которой он говорил: «это феномен, который имеет место там, где нет никакого выбора. А есть нечто, что в себе самом

содержит необходимость». «Свобода ничего не производит, она производит только свободу, большую свободу».

Юрий Сенокосов